

LETTERS TO THE EDITOR

UDC 94

**The problem of Lithuanian-Belorussian Orthodox Autocephaly
at the Beginning of World War II (1939-1940)**

Ivan V. Petrov

Saint-Petersburg State University, Russian Federation
PhD student
E-mail: ivanpet1990@hotmail.com

Abstract. The problem of Lithuanian-Belorussian Orthodox Autocephaly in so-called “Vilnius Region” during 1939-1940 is the subject of this article. We highlighted the principal stages of this process and the main dramatis personae, who took part in the struggle for autocephaly of Lithuanian Orthodox parishes and against it. The camp of supporters of Lithuanian-Belorussian autocephaly consisted of former Pro-Polish Orthodox priests, such as Archbishop Theodosius (Theodosiev), Archimandrite Philip (Morozov) and others; Belorussian intellectuals from Vilna and Belorussian nationalists. At the same time the camp of supporters of Pro-Moscow position consisted of Metropolitan Elefery (Bogoyavlenskiy), who was at the head of the Lithuanian Orthodox Eparchy, Russian emigrant clerics, anti-polish Orthodox priests and some part of Pro-Soviet Lithuanian Orthodox believers. This struggle continued about a year and ended in victory of Pro-Moscow camp and dismissal for the supporters of Belarusian-Lithuanian autocephaly.

Besides the article paid special attention that national aspect of activity of this religious organizations and a history of internal conflicts in this Eparchy during World War II so far has not gained a special consideration.

Keywords: Baltic Exarchate; Lithuanian-Belorussian Orthodox Autocephaly; occupation; collaboration; Archbishop Theodosius (Theodosiev); Archimandrite Philip (Morozov); Metropolitan Elefery (Bogoyavlenskiy); “Vilnius Region”.

Введение. Период между двумя мировыми войнами на всей территории бывшей Российской Империи отличался резким падением влияния Православной Церкви. Так, если в Советском Союзе властями проводилась политика государственного атеизма, то в странах, которые обрели независимость (Латвия, Литва, Эстония, Финляндия, Польша) был взят курс на образование независимых от Московской Патриархии национальных Православных Церквей. Так, в Польше проводилась политика «пацификации», целью которой была полонизация местных православных приходов, передача православных храмов и церковных зданий католикам и униатам, активная пропаганда унии среди православных. Подобный процесс был распространен не только на исконно польскую территорию, но и на украинские и белорусские земли, а также оккупированный Польшей так называемый «Виленский край». К примеру, в одной из современных работ данный процесс характеризуется так: «В годы польского правления в Виленском крае не возник ни один новый Дом молитвы, напротив, православные храмы осквернялись и разрушались. В Вильне варварски была разорена Александро-Невская часовня на Георгиевской площади (ныне Савивальдибес), в городе прекратили существование все – как средние, так и начальные православные духовные заведения, общеобразовательные русские школы были лишены государственных субсидий» [1]. Еще одной формой борьбы с православием стало удаление «неудобных» пастырей и замена их на идущее на компромиссы духовенство. Так, в 1923 был выслан в соседнюю Литву архиепископ Виленский и Литовский Елевферий (Богоявленский), который резко критиковал националистическую политику польских церковных властей. На его место варшавскими властями был назначен бывший Смоленский епископ Феодосий (Феодосиев), который воспринимался частью паствы как представитель вредного и антиправославного польского влияния. Однако жесткая политика полонизации православных в «Виленском крае» закончилось сразу же после того, как Польша потерпела военное поражение в начале Второй мировой войны. По договору от 10 октября 1939 года в состав Литвы возвращался оккупированный Вильнюсский уезд, и теперь вновь встал вопрос о юрисдикционной принадлежности местных православных приходов. В связи с чем в этот же период возникает спор о возможности проведения литовско-белорусской автокефалии на данной территории. Исследованию процесса дискуссии, о которой идет речь, и будет посвящена данная статья.

Материалы и методы. В основу работы легли материалы ранее широко не использованного Дела № 695 Описи 4 Фонда 391 (F.391) Литовского Центрального Государственного архива в Вильнюсе (LCVA), в котором содержится обширная информация по поводу возникновения и развития движения за литовско-белорусскую автокефалию в период 1939–1940 годов. Находящиеся в

описи материалы представляют собой переписку между местным духовенством, статьи и послания православных Литвы как в защиту, так и в осуждение архиепископа Феодосия (в частности материалы таких периодических изданий, как «Lietuvos Aidas», «Krynica», «Эхо», послания и публицистические работы самих архиепископа Феодосия (Феодосиева) и архимандрита Филиппа (Морозова). Также автором использованы новейшие исследования по истории Православной Церкви в Литве в прошедшем столетии.

В данной статье автором были использованы аналитический, хронологический, проблемно-тематический, описательный методы исторического познания.

Обсуждения. Несмотря на то, что в последние годы стали выходить работы, так или иначе затрагивающие историю Православных Церквей Балтии в XX столетии [2], отдельно история попытки проведения литовско-белорусской автокефалии авторами не затрагивалась, что во многом и обусловило интерес автора к данной теме.

Результаты. С возвращением Вильнюсского уезда Литве в Вильнюс возвращается и митрополит Елевферий (Богоявленский). Следует отметить, что именно он был одним из последних сторонников Московской Патриархии в Европе в конце 1920-х–1930-х годов, почему и был назначен управляющим Западно-Европейскими русскими приходами Московского Патриархата. Нельзя не вспомнить и о его работе «Неделя в Патриархии» [3], в которой литовский иерарх описывает свои впечатления от визита в Советский Союз в 1928 году. Одной из целей данной работы, безусловно, являлось негласное оправдание канонической линии митрополита Сергия (Страгородского) в среде зарубежных православных священников и мирян. Уже в октябре 1939 года владыка Елевферий (Богоявленский), еще находясь в Каунасе, заявляет о том, что является единственным главой Православной Церкви региона, подтверждая тем самым каноническое единство с Московской Патриархией. Однако не все духовенство и миряне положительно восприняли возвращение владыки в литовскую столицу. Так, один из основных будущих проводников литовско-белорусской автокефалии архимандрит Филипп (Морозов) счел освящение вильнюсских храмов митрополитом Елевферием собственной святой водой оскорблением местного духовенства и мирян в столь сложное для них время [4]. Также прибывшего владыку обвиняли в том, что он вместо принципа соборности начал осуществлять в буквальном смысле «иерархическую диктатуру». Не нравилось части православных Вильнюса и то, что особую роль в жизни епархии стал играть Литовский Епархиальный Совет, состоящий из прибывших из Каунаса лиц. Начался в конце 1939 – начале 1940 года и процесс отстранения от служения части местного духовенства, многие представители которого запятнали себя в период насильственной «пацификации». Так, 7 декабря 1939 года священник Александр Ковш, белорус по национальности, был отстранен от настоятельства церкви святителя Николая Мирликийского в ответ на жалобу части его прихожан [5]. И хотя данный священнослужитель подал на жалобщиков в суд, он так и не был возвращен к служению. Началось расследование и служения самого архимандрита Филиппа (Морозова), связанное с его уклонением в унию и последующего возвращения в православие в 1920-е годы. Закончилось оно отстранением пастыря от служения.

Между тем другая часть литовского духовенства в этот период вернулась к священнослужению. Классическим может послужить в этой связи пример отца Луки Голода. Именно этот пастырь в период жестких гонений на православных в так называемом «Виленском крае» со стороны польских властей и местных автокефалистов сохранил со своим приходом верность Патриарху Тихону (Беллавину). Из-за своей непримиримой позиции по отношению к польской автокефалии Голод был запрещен в середине 1920-х годов в служении, арестован и этапирован в слонимскую тюрьму. После кратковременного служения в оккупированной литовской столице в 1927 году тяжело больной священник переехал во Францию, но после 1932 года он вернулся в Вильнюс, где окормлял местную православную общину, сохранявшую верность Московской Патриархии, что вызвало противодействие со стороны польских властей, которым удалось выслать священника под Варшаву. До лета 1939 года опальный клирик вынужден был находиться вне своей виленской паствы, но позже ему удалось вернуться в Вильнюс и даже стать настоятелем Никольской Церкви в столице (как раз вместо отца Александра Ковша). У противников митрополита Елевферия такое назначение, конечно, вызвало ярое противодействие.

20 декабря 1939 года последовал указ Московской Патриархии митрополиту Елевферию (Богоявленскому), по которому, в ответ на прошение владыки Феодосия (Феодосиева) от 10 ноября того же года, было принято решение, что отныне архиепископ после принесения им «должного покаяния» должен будет быть принят в общение с Московской Патриархией в сане бывшего архиепископа Смоленского на покое в ведении владыки Елевферия с возможностью возвращения к служению только с согласия последнего [6]. Владыка Феодосий объяснял «свое отпадение в раскол» тем, что ему не удалось уяснить отношений между Польской Православной Церковью и Московской Патриархией, почему он и принял Литовскую кафедру в 1923 году, не разобравшись в каноничности подобного шага, и теперь просил простить ему этот шаг. Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Сергий (Старгородский) руководствовался своим решением от 16 октября 1939 года, согласно которому священники, уклонившиеся в межвоенный период в автокефалию, могли вернуться к служению через чин покаяния (их таинства и хиротонии признавались

действительными), в то время как назначения автокефалистскими церковными управлениями глав церковных кафедр действительными не признавались и должности эти признавались вакантными [7]. Однако вскоре владыка Феодосий (Феодосиев) изменил свою лояльную позицию по отношению к Москве. Архиепископ встал на защиту некоторых запрещенных в служении своих сторонников. Особенно показателен в этой связи пример архимандрита Филиппа (Морозова). 13 февраля 1940 года Феодосий составил на имя митрополита Елевферия отношение по поводу «дела об уклонении архимандрита Филиппа в 1925 году в католичество», заявив в нем, что сразу после его измены православию на него было возложено запрещение в священнослужении, в результате чего он был извергнут из сана, лишен монашества, отлучен от Церкви и предан анафеме. Также владыка Феодосий (Феодосиев) отметил не только факт покаяния со стороны архимандрита Филиппа, но и его «открытость», «искренность его заблуждения», «то, что он якобы не отрекался от догматов Православия», и, наконец, факт возвращения в православие вместе с архимандритом целой группы священников. К тому же в документе описывается аудиенция в январе 1927 года главы Виленской кафедры с раскаявшимся архимандритом, а также согласие на отмену запрещения как главой Польской Православной Церкви митрополитом Дионисием (Валединским). Наконец, отмечено, что уже в 1930 году архимандрит Филипп (Морозов) был на Пасху награжден Иконой Нерукотворного Спаса за «свою законоучительско-миссионерскую работу на пользу Церкви» [8].

Теперь для части православного клира и паствы региона, недовольной решениями владыки Елевферия, стали все более соблазнительны примеры автономных Православных Церквей Финляндии, Эстонии и особенно Латвии. Рупором литовско-белорусских автокефалистов стала издаваемая в Вильнюсе белорусскоязычная газета «Krynicka», в которой вышла целая серия статей, в которых приводилось множество аргументов в пользу независимости Православной Церкви от Москвы. Аргументы эти часто представляли собой параллели с синодальным управлением Российской Церковью. К примеру, недоумение и даже озлобление вызвало решение Литовского Епархиального Совета о запрещении владыке Феодосию (Феодосиеву) каких-либо встреч с гражданскими властями (с вполне ожидаемыми обвинениями митрополита Елевферия и Литовского Епархиального Совета в «папизме» и напоминаниями о времени обер-прокурорства) [9]. В № 32 (741) «Krynicka» от 23 апреля 1940 года автор К. Миланович пришел к выводу, что Православная Церковь в регионе находится в кризисе и срочно необходимо искать пути для «ее оздоровления» [10]. Обобщая сказанное, автор статьи обвинил митрополита в прямом пренебрежении национальными интересами белорусов и потакании только русскому элементу региона. В № 38 (747) того же издания выходит статья, которая стала квинтэссенцией всего высказываемого сторонниками белорусско-литовской автокефалии ранее [11]. В ней говорилось, что нынешняя Православная Церковь в Литве является «оплотом российской реакции», что она далека от народных масс, ибо находится под нажимом «российских националистических традиций» (особо отмечено, что Литовский Епархиальный Совет состоял из бывших «русификаторов», «бывших людей» – русских эмигрантов). Опять же приводились примеры Православных Церквей в соседних Латвии и Эстонии, которые выбрали путь независимости от Московского Патриархата и большевистской Москвы. Политическим и неканоничным называется в статье и аргумент, что только независимая держава может иметь свою Православную Церковь.

На такие демарши тут же отвечали сторонники владыки Елевферия. Так, в одной из литовских русскоязычных газет автор Лебедев сделал попытку подробно разобрать сущность идеи проведения литовско-белорусской автокефалии [12]. Автор выделяет предпосылки появления автокефалий, внимательно рассматривает канонические аспекты их проведения и приходит к выводу, что Православная Церковь в Литве невероятно бедна и не сможет содержать своих иерархов (заявляя, что у Поместной Православной Церкви должно быть как минимум 12 епископов, ибо в противном случае это была бы «пародия на автокефалию»). Единственным вопросом, который, по мнению автора статьи, сейчас стоит перед православными Литвы, является вопрос о викариатстве, хотя и здесь Лебедев замечает, что нельзя забегать вперед и идти на поводу у «непрощенных советов». Другой автор, скрывающийся под псевдонимом «К. В-ский», проанализировав религиозную ситуацию с православными приходами в стране, пришел к мнению, что возникшие с возвращением Вильнюса дебаты о создании автономной Литовской Православной Церкви в составе Константинопольского Патриархата есть лишь безосновательные претензии со стороны некоторой части окружения архиепископа Феодосия (Феодосиева), оказавшейся после ограничения деятельности Польской Православной Церкви «не у дел» [13]. Проводит автор и апологию единства Литовской Церкви с Московской Патриархией, особо отмечая дарование широкой автономии со стороны Русской Православной Церкви, которое митрополит Елевферий (Богоявленский) получил во время своего визита в Москву. Правда, в конце статьи достаточно громогласно и тенденциозно говорится о малой зависимости Московской Патриархии от советского государства и о возможности такой же малой зависимости от новых литовских властей в случае вхождения литовских приходов в Русскую Православную Церковь. В другой статье тот же автор провел каноническую критику Латвийской Православной Церкви, описывая ее переход в лоно Константинопольского Патриархата [14].

Отдельно отметим статью журналиста и публициста Дмитрия Ишевского, где он проанализировал выступление части вильнюсского духовенства и мирян, считая, что часть

православного духовенства города была «развращена» в прошлые годы польскими властями и попала под влияние организации «Белорусский Центр» во главе с ксендзом Адамом Станкевичем [15]. Далее Ишевский жестко характеризует сторонников автокефалии, обвиняя их в нечестии и авантюризме. Сравнивал он процесс так называемой «белоруссизации» Православной Церкви в Литве с печальным периодом пацификации в Польше, обвиняя сторонников автокефалии в том, что они хотят внести новый раздор между православными Литвы: украинцами и белорусами, с одной стороны, и русскими – с другой. Острая критика времени, названного Ишевским «эрзац-автокефалией» Польской Православной Церкви, а также выхода в самой известной литовской газете «Lietuvos Aidas» от 22 апреля 1940 года статьи профессора А. Янулайтиса, в которой была предпринята попытка обоснования, в том числе канонического, литовско-белорусской автокефалии, переплетается с завуалированной поддержкой советской религиозной политики, что хорошо видно в моменте упоминания присутствия советского посла Деревянского вместе с супругой и торгпредом на пасхальном богослужении в Рижском Кафедральном соборе, а также довольно спорных предположений о положительном отношении руководства СССР к Московской Патриархии [16].

Помимо активных сторонников и противников идеи литовско-белорусской автокефалии из среды духовенства, политических и общественных деятелей, постепенно в спор включились и миряне. В частности, часть православных мирян Вильнюса отправила специальное послание на имя вице-преьера кабинета министров Литвы, в котором они описывали свое видение последних событий [17]. В данном послании красной линией, с одной стороны, проходит критика насильственной колонизации местных православных приходов в годы межвоенной независимости Польши, с другой же – отмечается освобождение православных бывшего «Виленского края» от влияния колонизаторов, что характеризуется как светлое и радостное событие. В то же время отмечается, что настоящим диссонансом стала политика владыки Елевферия, который, согласно позиции авторов послания, вносит своими действиями необычайный разброд в бытие православных приходов региона. Архиепископ Феодосий наоборот охарактеризован здесь как борец с колонизацией края, ревностный пастырь, павший жертвой политики митрополита Литовского и Виленского. Также политика последнего привела, по мнению подписавшихся, к таким серьезным ошибкам, как отстранение от служения настоятеля Пречистенского собора протоиерея Иосифа Дзичковского, отца Александра Ковша и архимандрита Филиппа (Морозова); увольнение, охарактеризованное как «изгнание», из учебных заведений преподавателей Закона Божия протоиереев Николая Рогальского и Василия Беляева, которых заменил отец Лука Голод; вызванный деятельностью новых церковных властей конфликт между русскими прихожанами и белорусами из-за празднования независимости Литвы и «скандальные выборы» Приходского совета Кафедрального собора. Все это объясняется двумя причинами: отстранением владыки Феодосия и неправильными действиями окружения митрополита Виленского и Литовского.

В ответ на эти «мольбы» архиепископ Феодосий принимает решение 23 апреля 1940 года «для успокоения православной общественности в Виленской области» и «поднятия престижа Православия» в Литве создать при себе Временный Епископский Совет, состоящий из председателя наместника Савватия, архимандрита Филиппа, священника Александра Ковша и секретаря Бильдюкевича [18]. О данном решении он тут же известил как самих назначенных пастырей, так и светские власти Литвы. Квинтэссенцией данного действия на этот раз стало послание архиепископа Феодосия (Феодосиева) Константинопольскому Патриарху Вениамину (Кириаку) от 22 мая 1940 года [19]. Прежде всего владыка Феодосий объясняет главе Вселенского Патриархата свою позицию осенью 1939 года. В частности, он пишет, что был вынужден «в связи с тяжелыми военно-политическими переживаниями» и утомлением отказаться от управления Виленской епархией, о чем уведомил в письме от 10 мая 1940 года митрополита Сергия (Страгородского). Тут же архиепископ обрисовывает картину политики приехавшего в регион митрополита Елевферия (Богоявленского), который не признавал каноническим переход в лоно Константинополя Польской Православной Церкви и вызванные этим фактом церковные изменения. Однако по прошествию месяцев у владыки Феодосия усиливалось отрицательное отношение к политике митрополита Литовского и Виленского. Называет он и конкретные причины своей изменившейся позиции: непризнание каноничности и безблагодатности таинств ППЦ, склонность митрополита Елевферия к папизму, жесткая политика последнего по отношению к местному православному духовенству, с другой стороны, лояльное отношение литовского государства к Православной Церкви, каноническая независимость Православной Церкви в регионе от Московской Патриархии, что подтверждено как властями Литвы, так и Константинопольским Патриархатом, резкая позиция белорусской общественности по отношению к Московской Патриархии. В связи со всеми вышеуказанными пунктами владыка Феодосий (Феодосиев) заявляет о своем выходе из-под омофора РПЦ и о возвращении к управлению Виленской епархией. В конце послания пастырь просит главу Вселенского Патриархата простить ему его временное отпадение и подтвердить автономный в церковном отношении статус «Виленской области» под «благодатной защитой и канонической юрисдикцией» Константинополя.

Скорее всего, владыка Феодосий пошел на подобные шаги из-за крайнего обострения противостояния в среде православных приходов региона. Если сначала он действительно по причине растерянности и быстрого развития событий в Балтии принимает «условия Москвы», то уже через

полгода решает пойти на пересмотр этой своей позиции. Естественно, одной из главных причин подобного поступка было нежелание идти в фарватере политики митрополита Елевферия. Сам владыка Елевферий, активный и верный сторонник Московского Патриархата, решил отстранить от служения многих неугодных и оппозиционно настроенных по отношению к себе и своей позиции священников. Возникшая этому оппозиция тоже не бездействовала и, воспользовавшись ресурсами белорусской прессы, начала активно выдвигать (в том числе с канонических и исторических позиций) идею о проведении литовско-белорусской автокефалии Православной Церкви. В этой связи достаточно сложная задача – выявить, насколько искренне сторонники автокефалии защищали именно белорусскую национальную идею, применительно к Православной Церкви. Скорее, им хотелось заявить о себе как о независимой силе, равноудаленной как от церковных властей в Москве, так и от польского влияния, а также сохранить свои посты, которые многие представители духовенства попросту потеряли. В ответ поддерживающие владыку Елевферия пастыри и миряне также начали достаточно широкую газетную и общественную кампанию против автокефалистов. Однако даже обращение в Константинополь не возымело силы, и архиепископу Феодосию (Феодосиеву) не удалось осуществить своих замыслов. Особую роль тут сыграла и разворачивающаяся война, и начало процесса советизации Балтии, и нехватка сторонников. Более с такой остротой вопрос о литовско-белорусской автокефалии в довоенные и военные годы уже не вставал.

Примечания:

1. Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб: Издательская служба Тихвинского монастыря, 2009. 464 с.; Прот. Василий Новинский. Очерк истории Православия в Литве. Вильнюс: Православное Братство Литвы, 2005. 562 с.
2. Шлевис Г. Православные храмы Литвы. Вильнюс: SAVO, 2005. С. 6.
3. Митрополит Елевферий (Богоявленский). Неделя в Патриархии // Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. С. 173-318.
4. LCVA. F. 391. Ap. 4. B. 695. L. 138.
5. LCVA. F. 391. Ap. 4. B. 695. L. 139.
6. LCVA. F. 391. Ap. 4. B. 695. L. 150.
7. Ibid.
8. LCVA. F. 391. Ap. 4. B. 695. L. 141-141app.
9. LCVA. F. 391. Ap. 4. B. 695. L. 73.
10. LCVA. F. 391. Ap. 4. B. 695. L. 71.
11. LCVA. F. 391. Ap. 4. B. 695. L. 70.
12. LCVA. F. 391. Ap. 4. B. 695. L. 102ap.
13. LCVA. F. 391. Ap. 4. B. 695. L. 88ap.
14. LCVA. F. 391. Ap. 4. B. 695. L. 99.
15. LCVA. F. 391. Ap. 4. B. 695. L. 32.
16. LCVA. F. 391. Ap. 4. B. 695. L. 32-33.
17. LCVA. F. 391. Ap. 4. B. 695. L. 39.
18. LCVA. F. 391. Ap. 4. B. 695. L. 48.
19. LCVA. F. 391. Ap. 4. B. 695. L. 54-57.

УДК 94(47).084.

Проблема Литовско-белорусской православной автокефалии в начале Второй мировой войны (1939–1940)

Иван Васильевич Петров

Санкт-Петербургский университет, Российская Федерация
Аспирант
E-mail: ivanpet1990@hotmail.com

Аннотация. Проблема Литовско-Белорусской православной автокефалии в так называемом «Вильнюсском регионе» в 1939-1940 гг. является предметом исследования данной статьи. Мы осветили основные этапы данного процесса и основных действующих лиц, принимавших участие в борьбе за автокефалию литовских православных приходов и против них. Лагерь сторонников Литовско-Белорусской автокефалии состоял из бывших про-польских православных священников, таких как архиепископ Теодосиус (Теодосиев), архимандрит Филипп (Морозов) и др.; белорусских интеллектуалов из Вильны и белорусских националистов.

Ключевые слова: литовско-белорусская автокефалия; архиепископ Феодосий (Феодосиев); архимандрит Филипп (Морозов); митрополит Елевферий (Богоявленский); «Виленский край».